

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: В ОЖИДАНИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Авраамова Е. М., д. э. н., проф., зав. отделом исследований проблем образования ИГРМ

Актуальность вопросов модернизации экономики, общества и политической системы определяется тупиковым, по мнению многих экспертов, сырьевым типом экономического развития, отсутствием условий честной экономической и политической конкуренции, затрудненным движением социальных лифтов, сдерживающим продуктивную вертикальную мобильность. При этом в качестве наиболее позитивной черты современного этапа социально-экономического развития рассматривается стабильный характер протекающих процессов. Задача статьи — рассмотрение того, на чем базируется социальная стабильность и какие социальные процессы лежат в ее основе, какое направление вертикальной мобильности ей соответствует.

Установлено, что рост, хотя и затухающий, материального благосостояния российского населения не симметричен расширению возможностей и перспектив вертикальной мобильности. При подобном дисбалансе вряд социально-экономическую ситуацию можно расценить как латентно нестабильную и не имеющую явного общественного стимула к модернизации.

Проблемы модернизации экономики, общества и политической системы не сходят с российской повестки дня. Напротив, все эти вопросы стали острее в период и после выборов, с началом нового политического цикла. Их актуальность связана с тупиковым, по мнению многих экспертов, сырьевым типом экономического развития, отсутствием условий честной экономической и политической конкуренции, затрудненным движением социальных лифтов, сдерживающим продуктивную вертикальную мобильность. Нашей задачей будет рассмотрение следующих моментов:

- на чем строится действующий механизм вертикальной мобильности,
- какие социальные ресурсы «работают» в этом механизме,
- есть ли перспективы наращивания соответствующих ресурсов для значительных по численности слоев населения,
- насколько действующие механизмы вертикальной мобильности имманентны задачам модернизации.

Как известно, интенсивная вертикальная мобильность является одним из основных механизмов, обеспечивающих социальную стабильность и интеграцию за счет перемещений значительных по численности групп населения из нижних слоев в верхние. В случае, когда социальные лифты не работают, в слоях, располагающих ресурсами, в принципе позволяющими продвигаться наверх (прежде всего высоким уровнем образования и квалификации),

возникает социальный дискомфорт, следствием которого становится либо фрустрация, либо агрессия. Компенсировать образовавшуюся дисфункцию механизма вертикальной мобильности может «золотой дождь», падающий на большинство населения, невзирая на то, какими ресурсами для продвижения вперед и вверх оно располагает. Имеется в виду рост благосостояния, который не всегда имманентен общему социально-экономическому развитию, что мы наблюдаем в ситуации сырьевого экономического сценария, реализуемого в России, несмотря на поставленные задачи модернизации.

В рамках данной работы мы попытаемся выяснить, какие социальные ресурсы определяют вертикальную мобильность современного российского общества, какова их доступность и реализуемость в сложившихся институциональных условиях. На основании подобного анализа можно будет сделать заключение о характере и продуктивности действующих механизмов вертикальной мобильности.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Наращивание образовательного потенциала — основное условие вертикальной мобильности. Из данных статистики следует, что образовательный потенциал российского населения неуклонно растет¹ и преимущественно за счет роста численности обучающихся в высших учебных заведениях. Так, если соответствующую численность в 2000 г. взять за 100%, в 2008 г. высшее профессиональное образование получали 158,5%, а среднее профессиональное — 95,1%. Отношение численности приема в высшие учебные заведения к численности возрастной когорты 17-летних в 2010 г. достигло 90%².

Известно, что сфера образования интенсивно реформировалась в последнее десятилетие, причем провозглашенными целями изменений, часто радикальных, было повышение его качества и доступности, что необходимо в целях модернизации экономики. Приведем данные исследования³, проливающего свет на то, в какой степени эти цели достигнуты.

Отвечая на вопрос, в какую сторону изменилось качество образования за последние 3 года, почти треть (32%) респондентов, имеющих опыт обращения к образовательным учреждениям той или иной ступени, отметили тенденцию снижения качества, столько же (31%) не заметили каких-либо изменений; улучшение качества образования отмечено 27% респондентов. Если же говорить об оценке качества услуг применительно к отдельным ступеням образования, то здесь уже порядка 40% респондентов, имеющих в семье школьников или студентов, отметили ухудшение качества школьного и высшего образования. Не видят каких-либо изменений с точки зрения качества образования, предоставляемого школами и вузами, около трети респондентов. С учетом того что в предшествующих исследованиях [Аврамова, 2010]

¹ Индикаторы образования: 2010. Статистический сборник. М. 2010.

² Итоговый доклад экспертной группы по обновлению Стратегии 2020 [Электронный ресурс]: Сайт «Стратегия социально-экономического развития страны до 2020 г.». Режим доступа: <http://2020strategy.ru>, свободный.

³ В ходе опроса, проведенного РАНХ и ГС при Президенте РФ под руководством Т.Л. Клячко с участием автора летом 2012 г., было опрошено 1200 домохозяйств, имеющих в своем составе детей-школьников и/или студентов.

Таблица 1. Мнения респондентов о причинах снижения качества и доступности образования, процент

Причина	Согласны и скорее согласны	Не согласны и скорее не согласны	Затрудняются ответить	Итого
Государство выделяет слишком мало денег учреждениям образования/ здравоохранения	78	18	4	100
Нет надлежащего контроля со стороны государства за работой учреждений	71	22	7	100
Снижается квалификация работников	70	25	5	100
Низкая оплата труда работников	81	12	7	100

большинство респондентов оценивали ситуацию с качеством образования в основном «на тройку», указание на отсутствие изменений скорее следует интерпретировать как негативную оценку. Что касается образования, предоставляемого учреждениями начального профессионального образования и среднего профессионального образования, то его ухудшение респондентами в основном не отмечалось — практически в равных долях респонденты указывали на улучшение ситуации или отсутствие каких-либо изменений.

Отвечая на вопрос о том, проще или сложнее стало получить качественное образование, респонденты дали оценки, характеризующие ситуацию с доступностью этих услуг как весьма непростую и даже тревожную. Так, почти две трети респондентов негативно оценили тенденции, связанные с доступностью хорошего образования (сумма тех, кто указал на ухудшение ситуации и ее неизменность). На расширение возможностей в сфере образования указала четверть опрошенных⁴.

Для выяснения причин, с которыми население связывает снижение в целом качества и доступности образовательных услуг, респондентам был предложен набор наиболее вероятных детерминант отмеченных тенденций: от отсутствия адекватного финансирования и контроля со стороны государства до качества преподавания в образовательных учреждениях. И следует заметить, что каждая из них видится существенным фактором не менее чем двум третям опрошенных. Среди факторов, снижающих качество образования, наибольшее число голосов набрала низкая оплата труда его работников (ту или иную степень согласия с этим выразили соответственно 78% и 81% респондентов).

Вскоре после того как система образования с трудом пережила введение ЕГЭ и ГИА, настала очередь перехода образовательных учреждений в статус казенных, новых бюджетных или автономных в соответствии с федеральным законом РФ № 83 «Об образовании». В качестве целей соответствующего перехода декларировались оптимизация бюджетных расходов, повышение качества услуг и сокращение (исчезновение) теневых платежей.

Как показывают результаты опроса, продекларированные цели реформы не представляются достижимыми большинству тех, кого непосредственно касаются изменения. В частности, значительной части опрошенных

⁴ Задавался вопрос, легче или труднее за последние 3 года стало поступить в образовательное учреждение того или иного уровня.

избавление сферы образования от теневых платежей кажется маловероятным. Так, лишь пятая часть респондентов полагает, что предоставление образовательным учреждениям возможности самостоятельно зарабатывать на платных услугах сократит их объем. Половина же респондентов уверена, что в этом отношении ничего не изменится, а еще четверть опрошенных вообще ожидает роста низовой коррупции в образовательной сфере.

Что касается перспективы повышения качества образовательных услуг, то здесь мнения респондентов разделились следующим образом: порядка 40% респондентов ожидают улучшения качества, в то же время свыше трети респондентов не прогнозируют каких-либо изменений, а 16% ответивших ожидают снижения качества услуг.

Если же говорить более детально об ожиданиях потребителей, то картина получается следующая. Как видно из результатов опроса, лишь чуть более трети респондентов в качестве результата реформы ожидает повышение качества работы школ; ровно столько же тех, кто полагает, что качество останется на нынешнем уровне, и почти каждый пятый ожидает его снижения. Более оптимистичной перспектива повышения качества образовательных услуг видится в области начального и среднего профессионального образования: здесь свыше половины респондентов ожидает повышения качества и менее трети полагает, что все останется как есть. Не исключено, что подобные ожидания связаны с заявлениями руководства страны и представителей промышленности о дефиците рабочих кадров и среднего технического персонала. А возможно, они уже были услышаны, и на этих ступенях профессионального образования начались определенные подвижки, замеченные и нашими респондентами. В отношении повышения качества высшего профессионального образования отмечаются умеренно оптимистические экспектации (ожидают улучшения качества 34% респондентов).

Говоря о качестве услуг в связи с возможным расширением их платности, следует заметить, что в представлениях респондентов между «платная» и «более качественная» услуга далеко не всегда стоит знак равенства. В рамках опроса исследовался опыт респондентов с точки зрения использования платных услуг, им также было предложено провести сравнение качества услуг, получаемых за деньги и предоставляемых бесплатно.

Как следует из полученных ответов, существенной части домохозяйств (от 40% до 50%) доводилось прибегать к использованию платных услуг. В рамках школьного образования наличие разницы в качестве платных и бесплатных услуг признает большая доля респондентов (50% против трети тех, кто такую разницу отрицает). Однако при ответе на уточняющий вопрос, какие же из услуг более качественные, распределение мнений получилось следующим: половина считает, что обычно платные услуги в школах являются более качественными, но в то же время более 40% затруднились с ответом. Аналогичное соотношение мнений по данным вопросам обнаружилось в сфере профессионального образования различного уровня.

Как следует из результатов опроса, в расширение доступности качественных услуг верит чуть более четверти респондентов — примерно столько же, сколько ожидает сужения возможностей, при этом треть респондентов не ожидает никаких изменений. Только пятая часть респондентов полагает, что в результате реформы станет легче отдать ребенка в хорошую государственную школу, в то время как 28% считают, что доступность хороших школ сократит-

ся, и еще 36% — что по сравнению с сегодняшним днем ничего не изменится. Еще более негативный прогноз дается относительно высшего образования: здесь уже более трети (34,7%) респондентов ожидают, что реформа приведет к сокращению доступности хороших вузов, и почти треть уверена в том, что ничего не изменится.

Реформа бюджетных учреждений предполагает определенное усиление их экономической самостоятельности, в том числе расширение возможностей и стимулов к более широкому предоставлению платных услуг. Из опроса руководителей учреждений также следует наличие у большинства из них нацеленности на интенсификацию деятельности по изысканию внебюджетных источников доходов, основным из которых традиционно являются платные услуги. Более того, в условиях предполагаемого значительной частью руководителей образовательных учреждений сохранения государственного финансирования на уровне необходимого минимума и высокой неопределенности относительно своевременности бюджетных субсидий привлечение средств населения становится для учреждений образования критичным. В такой ситуации важным оказывается поиск ответов на вопросы, намерено ли и способно ли (и если да, то в какой мере) население платить за дополнительные услуги образования.

Очевидно, что модели поведения потребителей услуг (в том числе, их интенции) выстраиваются в соответствии с тем, каким им видится развитие экономической ситуации в стране и месте их проживания, в конечном итоге определяющее материальное положение их собственной семьи.

Начнем с макроуровня. Судя по результатам опроса, большинству респондентов рост благосостояния в стране в ближайшие три года не представляется особенно вероятным. Скорее, можно говорить о серьезном скепсисе: порядка трети респондентов не ждет каких-либо благоприятных изменений и еще около четверти прогнозирует снижение доходов основной массы россиян.

Еще пессимистичнее оцениваются респондентами перспективы роста доходов в месте их проживания: модальная оценка колеблется от 35% до 45%, доля ожидающих снижения доходов — от 20% до 30%.

В отношении же перспектив изменения благосостояния собственных семей картина, как это и бывает, вырисовывается несколько более оптимистичная: ожидают роста личного благосостояния от 30% до 45% опрошенных. В то же время значительная часть респондентов (от трети до 40%) прогнозирует сохранение своих доходов на прежнем уровне и еще от 10% до 15% — их снижение.

Какую же модель поведения с точки зрения потребления платных услуг в сфере образования выберут респонденты с учетом такого рода ожиданий относительно роста благосостояния? Прояснить это был призван вопрос о том, что станут делать респонденты в случае существенного расширения платного сектора в образовании. Порядка трети респондентов говорит о том, что они будут вынуждены отказаться от платных услуг, и от 56% до 66% (в зависимости от ступени образования) — будут искать деньги для оплаты. Внутри же группы респондентов, заявивших о своем отказе от платных услуг, распределение следующее: от 50% до 67% составляют те, кто откажется только от части платных услуг, и от 22% до 35% — те, кто будет вынужден отказаться от всех платных услуг.

С учетом значимости услуг образования для большинства населения высокая доля тех, кто утверждает, что в случае роста сектора платных услуг будет пытаться изыскивать средства, не вызывает удивления. Однако важным вопросом с точки зрения реализуемости таких намерений является то, какие источники средств на приобретение этих услуг имеют в виду респонденты. Как и следовало ожидать, главным источником средств на оплату необходимых услуг являются зарплаты и пенсии (84–86% респондентов). Помощь родственников планирует использовать меньшая доля респондентов, хотя также превышающая половину. С целью изыскания средств для оплаты услуг образовательных учреждений респонденты скорее готовы искать дополнительный заработок — на такой вариант своих действий указали 70%. Порядка трети респондентов намерены платить за образовательные услуги из накопленных сбережений, разумеется, в случае наличия таковых, что, судя по нашим прежним исследованиям, распространяется примерно на 40% домохозяйств. И наконец, порядка трети респондентов планирует для оплаты услуг образовательных учреждений прибегнуть к услугам кредитных организаций.

Несмотря на существующие и грядущие трудности, как показали результаты исследования, большинство населения стремится к получению высшего образования, рассматривая его как необходимый ресурс вертикальной мобильности. Авторы итогового доклада, посвященного обновлению Стратегии 2020, утверждают, что высшее образование стало обязательным условием *любой* трудовой карьеры. Вместе с тем они же считают, что современные выпускники высших учебных заведений — это люди с развитыми социальными навыками и большими запросами, но низким профессиональным уровнем. Они предъявляют высокие требования к уровню ожидаемого вознаграждения и качеству рабочего места, где отсутствует ручной и монотонный труд, но присутствуют высокая доля коммуникаций и гибкий график. Поскольку численность подобных рабочих мест ограничена, высшее образование, которое, как показывают социологические исследования, фиксирующие ситуацию с середины 1990-х гг., хотя и дает преимущества для вхождения в сегменты рынка труда, гарантирующие более высокий уровень оплаты труда, чем в среднем по экономике, является необходимым, но не достаточным конкурентным преимуществом. Результаты исследований [Аврамова, 2010] показывают, что сам по себе диплом о высшем образовании не достаточен для решения задачи эффективного трудоустройства и должен быть подтвержден определенным социальным капиталом.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК РЕСУРС ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Важным ресурсом вертикальной мобильности является накопление социального капитала, который интерпретируется современной экономической теорией в категориях институционального доверия и социальной сплоченности. Институциональное доверие важно, поскольку только в ситуации доверия граждан к основным государственным институтам, начиная с полиции и судебной системы и кончая финансовыми институтами, возможно формирование долгосрочных социально-экономических стратегий, имманен-

тных устойчивому развитию и добросовестной конкуренции, а социальная сплоченность необходима, поскольку она является базовой характеристикой гражданского общества, важнейшая функция которого — гражданский контроль над означенными институтами. Именно об этом велся разговор на встрече В. В. Путина с ведущими экономистами, последовавшей за Давосским форумом 2012 г.

Представляется, что важен не только масштаб доверия (простирается ли оно вплоть до базовых государственных институтов или ограничивается друзьями и родственниками⁵), но и то, является ли социальный капитал «прямым ресурсом», когда индивид действует как член сплоченного гражданского общества на основании институционального доверия, или «замещающим ресурсом», когда, напротив, индивид действует, используя наработанные социальные связи, замещающие или компенсирующие дефицит прямых ресурсов — образования, квалификации и пр.⁶

Современная теория дает некоторые ответы на этот вопрос. Так, по мнению Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Инглхарт, Вельцель, 2011], на этапе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу изменяется характер связей, образующих социальный капитал. Авторы выделяют «скрепляющие» связи, свойственные индустриальному этапу социально-экономического развития с более низким уровнем жизни и соответствующим этому состоянию общества превалированию ценностей выживания, и связи, «наводящие мосты» между представителями разных групп, присущие более высокому уровню социально-экономического развития и господству ценностей самовыражения. «Социальный капитал, — пишут они, — в постиндустриальных странах не слабеет, а просто принимает иную форму».

Таким образом, можно заключить, что в период модернизации слабеет «скрепляющая» функция социального капитала, соответствующая «его традиционному, спаянному, замкнутому, конформистскому типу» и возрастает функция социального капитала, «наводящего мосты». Растущая индивидуализация придает людям все большую социальную независимость: социальные контакты, которые они завязывают, становятся результатом их самостоятельного выбора, а не следования навязываемым извне групповым нормам. Этот тип социального капитала в гораздо большей степени способствует развитию тех форм сотрудничества, которые играют центральную роль в условиях «общества знаний».

Не до конца изученным остается вопрос о характере влияния социального ресурса, накопленного вне экономической сферы, на экономические показатели в рамках отдельных отраслей или национальных экономик. Можно поставить в данном случае более общий вопрос: насколько степень развития гражданского общества влияет на характер развития экономики, ее эффективность? Под гражданским обществом мы готовы понимать общество, членов которого объединяют социальная сплоченность и высокий уровень институционального доверия. Представляется, что уровень распространения, сила влияния и уровень доверия организациям, представляющим гражданское общество, формируют среду, благоприятствующую индивидуальным,

⁵ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

⁶ Coleman, James (1990). Foundations of Social Theory. Cambridge: Harvard University Press.

организационным инициативам и тем самым инновационному развитию. Горизонтальные связи, на которых базируется гражданское общество, в большей степени ориентированы на свободный обмен информацией, предполагают больший уровень информационной открытости, более эффективные обратные связи как между организациями гражданского общества, так и между различными уровнями рассмотрения общества (микро-, мезо-, макроуровни). Информационная открытость, свободный обмен информацией, в свою очередь, создают среду, адекватную инновационному типу экономики, реализации предпринимательских инициатив.

Гражданское общество предполагает больший уровень несиловой конкуренции между представляющими его субъектами. Поле гражданского общества — арена дискуссий, коалиций, партнерств, диалогов, где успех во многом зависит не только от ресурсной обеспеченности, наличия властных покровителей, но и от способности найти аргументы для обоснования собственной программы действий. Тем самым гражданское общество стимулирует проявление достижительной мотивации, необходимой для успешного развития инновационной экономики.

В этом случае общество может способствовать формированию атмосферы, благоприятствующей положительной социальной идентичности, поскольку у индивида возникают положительные ожидания в отношении возможности быть услышанным и понятым другими, донести собственную позицию. Позитивная социальная идентичность, соединенная с достижительной мотивацией, формирует тип «зрелой» личности, востребованной в рамках модернизационной парадигмы развития.

Выступая в качестве конструктивного критика и оппонента государства, гражданское общество является противовесом как неконституционных государственных инициатив и политики, противоречащей интересам гражданского общества, так и противоправных действий неструктурированных социальных групп. Блокируя посредством критики, инициирования общественной дискуссии, организованных противодействий произвол государства или спонтанных социальных образований, гражданское общество положительно влияет на увеличение определенности среды принятия решений. Функция принятия решений, в том числе экономических, в условиях гражданского общества реализуется более успешно.

В структурном плане гражданское общество представляет собой совокупность самых разнообразных и разнонаправленных сетевых организаций, которые по своей природе чужды иерархическим структурам авторитарного централизованного общества. Следовательно, можно ожидать более эффективной реализации функции контроля, поскольку показатели и процедуры контроля как необходимой составляющей экономического развития задаются и реализуются не только государством, но и осуществляющими мониторинг организациями, представляющими гражданское общество.

Что же происходит с накоплением социального капитала в современной России и какова его природа?

Поскольку, как следует из приведенных теоретических положений, основными категориями, характеризующими социальный капитал, являются *доверие* и *сплоченность*, постараемся выяснить, что происходит именно с ними.

Из данных *таблицы 2* следует, что доверие на протяжении всего постсоветского периода находится на критически низком уровне, причем в России

Таблица 2. Результаты социологического опроса:
**«В какой мере Вы согласны или не согласны со следующим суждением:
 «Доверять сегодня нельзя никому, разве что самым близким людям», проценты**

Ответ	1994 г., ноябрь	2001 г., январь	2008 г., июнь
Совершенно согласен	38	41	33
Скорее, согласен	36	37	40
Скорее, не согласен	14	16	19
Совершенно не согласен	4	4	3
Затруднились ответить	7	3	5
Число опрошенных	3000	1600	1600

Источник: Общественное мнение — 2008. М.: Левада-Центр, Десятый выпуск, Ежегодник, 2008.

нет государственного или общественного института, которому бы доверяла хотя бы половина населения страны. Особенно катастрофично обстоит дело с доверием мета-институтам, тем, которые по своим функциям должны обеспечивать уровень справедливости, имманентный задачам сохранения социальной безопасности — полиции и судебной системе. По данным Левада-центра, полиции полностью доверяют 3% российского населения, судебной системе — 4%.

Ситуация с формированием социальной сплоченности иная. Она, как можно предположить, тем выше, чем ниже уровень институционального доверия. Но это специфическая сплоченность, выступающая в виде достаточно замкнутых социальных связей, что мы попробуем показать на примере результатов исследований, касающихся проблем трудоустройства и трудовой карьеры.

Впервые вопрос о том, какие конкурентные преимущества являются самыми важными при трудоустройстве, мы задали в 2003 г. [Аврамова, 2004]. В дальнейшем такой вопрос мы задавали в разных исследованиях, посвященных трудоустройству и трудовой мобильности, на протяжении всех двухтысячных годов, и доля тех, кто трудоустроивался, благодаря социальным связям, колебалась в интервале 55–65%, но всегда превышала половину опрошенных. Важно отметить, что социальные связи оказывались значимыми не только для столичных жителей, но и в практически равной степени для провинциалов, т.е. такой социальный ресурс «работает» как один из основных на всей территории страны.

Данные следующей таблицы показывают, насколько социальные связи как ресурс карьерных продвижений преобладают над профессиональной квалификацией, а следовательно, насколько *замещающий* ресурс важнее *прямого*.

Что касается социальной сплоченности, то результаты исследований конца 2000-х гг. демонстрировали ее ограниченный характер. Если обратиться к данным опросов, проводившихся Левада-Центром и ФОМ, можно отметить, что преобладающее большинство респондентов (66%) вообще не принимало никакого участия в деятельности тех или иных общественных организаций. Для остальных наиболее привлекательными с точки зрения участия общественными организациями являются садовые и дачные товарищества (3%), профсоюзы (2%), домовые комитеты (2%). Иные разновидности общественных организаций: территориальное общественное самоуправление, местные

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос:
«Каковы механизмы карьерного роста на Вашем предприятии?»

Механизмы карьерного роста	Число респондентов, процент
Продвигаются самые квалифицированные работники	22,8
Продвигаются те, кто умеет ладить с начальством	46,8
Продвигаются те, кто имеет какие-либо полезные для начальства связи	30,1
Всего	100

Источник: Общественное мнение — 2008. М.: Левада-Центр, Десятый выпуск, Ежегодник, 2008.

инициативные группы по обустройству жилых территорий, инициативные группы, объединения родителей, группы, органы школьного/студенческого самоуправления, благотворительные инициативы, товарищества собственников жилья, жилищно-строительные кооперативы и т.п., культурные, краеведческие, природоохранные движения, инициативные группы, религиозные общины, организации, спортивные, туристические, охотничьи, автомобилистские объединения/клубы, местные инициативы по защите имущественных, жилищных, потребительских прав и интересов местных жителей, экологические организации, ветеранские объединения — оказывают привлекательными формами участия только для 1% респондентов⁷.

Респондентам в тот период был свойственен не только низкий уровень самооценки в плане их способности или возможности оказывать влияние на социально-политические процессы на муниципальном и государственном уровнях, но также низкая оценка способности общественных организаций и движений эффективно добиваться своих целей в существующих условиях функционирования общества. Только 13% респондентов полагали, что таким движениям полностью или в значительной мере удастся достичь поставленных целей.

Таким образом, период середины и конца 2000-х гг. демонстрировал ситуацию и низкого институционального доверия, и низкой социальной сплоченности, что свидетельствовало об отсутствии общественных предпосылок модернизации. А механизм вертикальной мобильности описывался умением оказаться в нужное время в нужном месте с дипломом о высшем образовании и надежными дружескими или родственными связями. Такие механизмы никоим образом не стимулировали развития конкурентной среды со стороны общества. В сложившихся условиях дефицит институционального доверия компенсировался групповой анклавной сплоченностью, устанавливающей скорее «связи выживания», чем «связи-мосты» (в терминах Инглхарта и Вельцеля). И эти связи выживания, включающие родственников и друзей, оказывались весьма действенными, поскольку достаточно эффективно использовались в важных для населения сферах — трудоустройстве, решении разного рода семейных проблем.

⁷ Общественные организации (опрос 2007 г.) Социологический атлас серия №1. Общественная активность и участие населения в НКО и неформальных сообществах [Электронный ресурс]. Сайт Фонда общественного мнения. Режим доступа: <http://www.fom.ru>, свободный.

В самое последнее время ситуация стала меняться. Постепенно строятся и «связи-мосты», правда, преимущественно в on-line пространстве через распространение социальных сетей в Интернете: по данным Левада-центра⁸, различными социальными сетями охвачены 50% пользователей Интернета. Численность же пользователей Интернета в России, согласно данным ВЦИОМ⁹, в 2011 г. достигла 53%, хотя только годом раньше насчитывала 39%. Сами по себе сетевые структуры еще не говорят о формировании гражданского общества и тем более о его зрелости. Об этом скорее свидетельствует постепенное распространение разного рода волонтерских движений, которые, хотя и не преследуют экономических и политических интересов, но нарабатывают практики взаимодействия, характерные для «связей-мостов».

РАСШИРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Мы видим, что механизм вертикальной мобильности хорошо адаптирован к сложившимся институциональным условиям. Низкий уровень безработицы при определенном, хотя и снижающемся росте благосостояния граждан свидетельствует о том, что действующий механизм достаточно надежен. Зададимся вопросом: какие возможности открываются в связи с накоплением образовательного и социального ресурса, имея в виду их качество?

Что касается образовательного ресурса, то следует констатировать отсутствие значимых позитивных перемен. Порядка трети опрошенных потребителей образовательных услуг отмечают снижение их качества и еще треть не видят изменений, что говорит о консервации прежних негативных тенденций. Еще серьезнее ситуация в школьном и вузовском образовании, где порядка 40% респондентов наблюдают ухудшение качества. И это несмотря на интенсивное реформирование образовательной сферы, призванное как раз его улучшить.

Абсолютное большинство населения слабо осведомлено о реформах и в основном воспринимает их как очередной стресс. При этом большинство считает, что за реформой стоит желание заставить население частично оплачивать образовательные услуги, в том числе за счет придания статуса платных услуг нынешним теневым платежам, причем платность услуг далеко не всегда отождествляется у населения с качеством. Не ожидает население и расширения доступа к качественным услугам образования. Только пятая часть верит в повышение уровня доступности хороших школ, еще больше скепсиса — в отношении хороших вузов.

Те, кто получил образование сомнительного качества, объективно не заинтересованы в модернизации как условии расширения конкурентной среды.

Достаточно ограничены и возможности проявления гражданской активности, что следует из узких масштабов институционального доверия

⁸ Общественное мнение – 2011. М.: Левада-Центр, Ежегодник, 2011.

⁹ Подсчитано число интернет-пользователей России. 05.08.2011 / ЕвроСМИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eurosmi.ru/podschitano_chislo_internet_polzovateley_rossii.html, свободный.

и пока преимущественно виртуальных форм общественной сплоченности. А значит, и возможности как-либо повлиять на изменение ситуации в сторону ее модернизации не велики. Этот вывод касается ситуации в целом, однако нужно иметь в виду, что очень медленно, но формируется слой людей, получивших или получающих образование действительно высокого качества, объединенных построенными ими самими связями-мостами. Кем станет этот слой — критическим меньшинством, создающим новые «правила игры», или новой волной эмиграции — покажет будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Аврамова Е. М. Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики // Доступность высшего образования в России. М.: НИСП, 2004.

Аврамова Е. М. Тенденции и перспективы наращивания образовательного потенциала // Народонаселение. 2010. № 3.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.